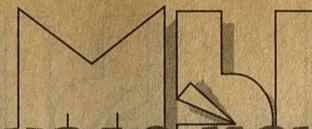

Уланова Г.
Уланова Тамара

98 ГОДА

26.03.98

в зеркале искусства

АДОЛДИ ОБЩАЯ ГАЗЕТА № 12 (242)

Небольшая великая женщина

Общая газ. - 1998. - 26 марта - 1 апр. - с. 9

Время — мера движения.

В общем смысле это понятно каждому: стоит тебе прекрасить водить ручкой по бумаге, перестать пилить или строгать и застыть в восхищении перед оратором или проповедником, застопорившим шестерни в твоей голове идеей, не требующей осмысливания, — готово, время остановилось. Теперь ты вечен, словно идея вечного двигателя, и столь же бесполезен. Другими словами, ты мертв (хоть и дышишь). Двигаться, впрочем, можно, не сходя с места: думай, к примеру, люби. Все засчитывается.

...Когда же это было? Как будто недавно. Во всяком случае, я помню себя рядом с Галиной Сергеевной Улановой на сцене Большого театра. С фотоаппаратом. Хотелось снять ее без притворства. Без моего притворства. Ибо для Улановой высокое притворство, то есть претворение, и было смыслом жизни. Или смыслом жизни для нее было то, что меряет время? Движение! Впрочем, в нашем случае это одно и то же, потому что они и было ее искусством. Время стало мерой искусства Улановой.

Балетный театр, как театр вообще, не существует ни до и после действия. Плоская бумага и плоский экран бессмыслицы запечатлевают трехмерный мир сцены. Но будь даже придумана некая голограммическая хитрость, все равно — мимо. Великий актер обладает талантом создавать четвертое измерение. Сидя в зале в момент события, ты его чувствуешь. Уланова владела этим даром.

...Мы стояли на сцене, и Галина Сергеевна рассказывала о позорном эпизоде в русской культуре, что произошло на ее и наших глазах. Прах великого русского певца Федора Шаляпина перед перезахоронением на Новодевичьем кладбище партия и правительство запретили отпеть в зале Большого театра, «за что такие почеты эмигранту?».

— Стыдно! — говорила Уланова. — Даже хор не пригласили, обошлись пластикой.

Плоская, как граммофонный диск, жизнь окружала ее и нас.

Артист, художник, рыцарь движения.

Времена Шаляпина, времена Улановой. Времена Ежова и Сталина, Хрущева и Брежнева — это одни и те же времена. Наше время. Параллельные движения мертвых (пусть они и движут) правителей и живых людей не пересекаются. «Пока» — пишу я для оптимизма.

Галина Уланова на фоне зала Большого театра. Случайный снимок. Один-единственный негатив (потерянный и чудом найденный в день ее кончины) на всю засвеченную пленку, но как будто только этого снимка я и ждал. Здесь, кажется, Уланова похожа на наше представление о ней и на себя самое.

Публичный образ, который несет человек — актер в особен-

ности, — не всякий раз совмещается с реальным его отражением, скажем, в зеркале. Возникает некоторое несовпадение красок, какое бывает в скверной печати, и контуры размываются. Возможно, ты подразумеваешь, что изображено, но не видишь глазами. Здесь же все четко. Она действительно такая. Как на монете. (Я бы выпустил монету с ее изображением.) Строгая, аскетичная, твердо определившая, что ей назначено в жизни и как это назначение осуществлять. Точнее — осуществлять, потому что, зная направление движения, она не видела его конца. И в этом была Художница. А непрерывность движения была гарантирована тем, что она Профессионал.

Ее жизнь — вся — была подчинена балету. Даже дома подарки и памятные вещи не раскладывались по полкам, а как бы лежали как попало, чтобы очень потом, когда балет уйдет из ее жизни в воспоминание, заняться приведением предметов в ожидаемый ими порядок. Сочувствую вещам. До них так и не дошла очередь.

На месте лишь гигантское зеркало, необходимое для работы, диван, необходимый для отдыха, автопортрет Анны Павловны как символ предтечи и фотография Греты Гарбо — актрисы, которая привлекала Уланову своим искусством и образом.

Они с Гарбо хотели познакомиться, видимо, чтобы совместить краски, и однажды приблизились настолько, что смотрели друг в друга в глаза, но не обменялись ни единим словом. Толпа восторженных поклонников, окружившая дом, где жила Уланова, не дала окруженной своими поклонниками Гарбо приблизиться к двери. Они увидели друг друга через окно. Две большие актрисы не смогли преодолеть препятствие, которое создали своим искусством, и навсегда остались наедине с собственными представлениями о мимолетном визави.

Охраняя себя от чрезмерного общения, они, наверное, испытывают дефицит теплоты. Всемирная любовь через стекло ее не компенсирует.

Эта фотография Улановой — тоже изображение через стекло. Очень чистое, оптическое, ловко сработанное японцами, которые ее боготворят, но все-таки через стекло. И вот получился образ... Я, бродивший с ней по Большому театру в поисках этого образа, свидетельствую, что за ним живой, обаятельный, тактичный, неприхотливый, как истинный труженик, и уважающий чужую работу человек. Небольшая великая женщина всей своей громадной силой охранявшая свое право на слабость.

Теперь она ушла.

Юрий РОСТ
Фото автора

48

Те, кто знал Уланову, уверены: она будет всегда

Белла
АХМАДУЛИНА:

Я ее современница и никогда не относила Галину Сергеевну к какому-то былому времени. Я была лишь одной из множества, кто мог влюбиться ее изящной скромностью, и только несколько раз видела ее вблизи. Это были редкие, случайные, мимолетные встречи: за границей или в Коктебеле, где Уланова отыскивалась со своей companion Таней. Как-то она приходила на мое выступление и была благосклонна...

С детства родители по возможностям водили меня в Большой театр, но я как-то не попадала на Уланову. И, к сожалению, лишь однажды видела ее на сцене. Она всегда с печалью об этом говорила. Много лет назад я написала о Майе Михайловой Плисецкой, Галине Сергеевне, улыбаясь иронично, заметила: «Я прочитала ваши слова четыре раза, но ничего не поняла. Жаль, что обо мне так никто не напишет».

Галина Сергеевна — это, несомненно, невосполнимая утрата, но утешение в том, что она человек совершил сбытийся, полностью воплотивший свой редкостный дар. Ее грация, изящество походки, движений, рук — безсуетно, это было при ней, и это прелест и стать можно считать человеческим даром. Он был рано замечен ею самой и, к счастью, полностью реализовался.

Она была человеком, как мне казалось, весьма затянутым и сдержаненным, не слишком приспособленным для резких жестов и беззащитным перед любой развязностью и настойчивостью. Поэтому мне бы не хотелось говорить лишние слова, которые могли бы ее чем-то потревожить или задеть. Я не хочу преувеличивать свои возможности рассуждать о ней, боюсь впасть в фамильярность.

Владимир
ВАСИЛЬЕВ:

При всем своем величии, при значимости своего имени в мировой культурной жизни Галина Сергеевна была поразительным

явление: она была очень скромной. Ее мучило в последнее время то, что она не может приходить в Большой театр. За несколько дней до ее смерти у нас с ней состоялся разговор. «Мне очень неловко», — сказала она, — что я получаю зарплату и не могу здесь находиться». Мне пришла идея сделать ее консультантом — и она чрезвычайно обрадовалась. А ведь то, что она дала театру, всем нам, никак не может окупиться...

Галина Сергеевна — пример чистоты и порядочности в отношении к своей профессии. Ее многие считали советью русского балета. В отношении ее к своему делу было нечто такое, что, когда мы работали с ней, никому из нас не приходило в голову сказать о ней, только танцевать не в полную силу.

Она была немноговластна, никогда не влезала в интриги, вообще старалась обходить стороной какую-либо общественную жизнь, терпеть не могла подписывать какие-либо документы. Разные люди есть на земле: некоторые пытаются обуть необыкновенное, занимаются многими делами, а Галина Серге-

евна была уникальным человеком — только профессия, только театр.

Мы познакомились, когда я был еще учеником. Галина Сергеевна уже тогда была легендой — она принимала выпускной экзамен. А наша дружба началась в 1949 году, когда свою первую классическую роль я станцевал с Галиной Сергеевной, — это было «Шопениана». Кстати, разницу в возрасте я никогда не ощущал. Ну и, естественно, когда Галина Сергеевна начала готовить Жизель с Екатериной Максимовой, приходила на репетиции, я тоже соприкасался с ней. Мы с Максимовой — молодые юноша и девушка — обрели друга, с которым можно было говорить на равных. Конечно, было к ней большое уважение, но были и споры в репетиционных залах...

Наверняка найдутся люди, которые будут искать в жизни Улановой что-то для газетных «открытий», даже для измышлений. Хочу напомнить, что она бы очень не хотела этого. Для огромного количества людей Галина Сергеевна осталась ботчицелиевской мадонной, она сохранила этот облик до

старости, и я уверен, что именно такой образ сохранился в памяти у всех нас.

С Большшим театром ее сроднила долгая жизнь, и, как ни странно, жизнь все-таки тяжела. С годами становилось все меньше учеников, а те, что были, может быть, не всегда отвечали ее стремлению отдать им свое сердце...

После реконструкции Большого театра в нем обязательно будет зал имени Улановой, обязательно будет фонд имени этой великой балерины.

Сама она хотела, чтобы ее похоронили на старом Новодевичьем кладбище. Она не делала специальных распоряжений, но как-то сказала мне, что хотела бы лежать там...

Вера
КРАСОВСКАЯ:

Помню ее отца Сергея Николаевича — это был элегантный, уже седой человек. Танцевал, потом служил в театре помощником режиссера. Мать, Мария Федоровна Романова, учila младших девочек.

Галия всегда считала себя ее ученицей в большей степени, чем ученицей Вагановой. Я тоже училась у Марии Федоровны. Она была добра, уютная, сердечная. В ее классе было легко и просто. Перед поступлением в школу Мария Федоровна повела Галию в церковь помолиться, чтобы ее приняли и чтобы она успешно училась.

Уланова

была

человеком

— только профессии, только театра.

С Вечесловой — их считали будущими звездами. Вечеслова имела в школе больший успех — веселила, проказливая, а Галия успеха сторонылась — замкнутая, сосредоточенная на какой-то любимой мысли.

По-настоящему ее открыли на выпуск. Она танцевала со своим постоянным партнером Борисом Обуховым «Седьмой вальс» Шопена — и совершила потрясение всех. Она была особенно хороша до того момента, пока не стала выходить замуж за режиссеров, которые начали учить ее «играть»: до этого она была только Музой танца, танцевала, как дышала.

1934 год стал для нее особенно урожайным: новое «Лебединое» в постановке Вагановой, «Бахчисарайский фонтан». Тогда же определилось и партнерство с Константином Сергеевым — идеальное. Ее Мария в «Бахчисарайском» пленительна: естественность, простота и невероятная изысканность. Уланова была кладом для драмбalletных хореографов — она умела вложить душу в любую пантомимическую речь, наполнить ее смыслом, который трудно было и предположить.

Оней хочется говорить высокопарные слова: высокая поэзия танца, магия танца... Конечно, Уланова — символ уходящей эпохи, символ не просто русского балета, а советского русского искусства. Все свойства ее природы очень пришли ко времени. Она несла забвение и покой, хотя на миг уводила от ужасной жизни, которой тогда жили люди. Принято рассказывать, что у многих бойцов на фронте были ее фотографии. Это правда.

В балет рождаются свои боги. Таким божеством, легендой для многих поколений была Анна Павлова. И Уланова тоже. Больше никто.

Санкт-Петербург